

Педагогические идеи Стоюнина в истории нашего общества¹

По тому поколению, к которому принадлежал Стоюнин – он был непосредственно младше поколения 30-х–40-х годов, выразившего себя в острой постановке национального вопроса и положившего начало нашей литературе европейского значения; он выступил вслед за ними.

Спор западников и славянофилов утихал, когда юноша Стоюнин учился в университете. Белинский уже развернул вполне свою плодотворную критическую деятельность и сошёл с поприща; во главе литературы стоял внимательный и поэтический наблюдатель чередующихся поколений – Тургенев. То были годы, которые сам художник охарактеризовал типами лишних людей. Известно, в каком сдавленном, спряттом воздухе тянулось тогда существование нашей интеллигенции. Обывательское ничтожество общественной среды, освящаемое могущественной государственной властью, близилось к совершенному умственному обнищанию. Не обывательская, а живая человеческая мысль развёртывалась в мечтательную, самодовлеющую идеологию, порождая людей идеи-слова, но не идеи-дела, эстетиков спора, любующихся своими идеями и словами, то презрительно порывающих с действительной жизнью, то грубо идеализировавших её, едва-ли всегда чистосердечно… Другие эмигрировали; трети, те, для которых деятельность была смыслом жизни, жили под постоянным страхом ссылки. С другой стороны, юноши, учившиеся за границей романтической философии (там имевшие корни, у нас никаких), вступая в жизнь, не видели ни малейшей связи между приобретёнными идеями и русской жизнью, становились смешными фигурами уездных Гамлетов. И они в самом деле были Гамлетами, потому что, одушевлённые стремлениями отвлечёнными, становились на родине и бездеятельны, и безвольны. Они плакались на то, что их мудрость – ненужные слова, что они сами неоригинальны. И были правы: слова их в среде крепостнической звучали дико, оригинальность же может быть только там, где есть для явления корни… Наконец, были и такие, которые, не удовлетворяясь обывательщиной, глухо рвались к человеческому существованию, впадали в истерику, спивались, или, побившись несколько лет, кончали выпуском в свет сборника лирических стихотворений и забивались навсегда в родную деревню.

Но жизнеспособное общество не может перестать жить. Жажда деятельности, замирая в людях средней руки, становилась всё жгучее в тех, которые были одарены «святым беспокойством». Человек идеи-слова – Рудин сам сознавал, что трагизм его положения в несоответствии размаха идеи с местом приложения её силы. Он искал дела, он шёл к делу. И, если его старшие братья были Гамлеты, он был Дон-Кихот, и умер Дон-Кихотом на

---

¹ Речь, произнесённая в день торжественного празднования 25-летнего юбилея женской гимназии Стоюнина.

французских баррикадах. А его сверстник Лаврецкий – всем своим искренним умом сознавал необходимость живой деятельности...

Старая эпоха уже переламывалась на новую. В то время, когда Тургенев продумывал свои знаменательные типы, первый представитель нашего *Sturm und Drang*'а – Чернышевский уже выступил в книжках Современника с увлекательной необузданностью пробудившейся нации. Вспыхнул пожар Крымской войны, и его огонь оказался, как известно, очистительным. Скончался самый стойкий из руководителей европейской реакции, его сын вступил на путь освободительный. Началось славное время осуждения, покаяния, призывов к новому, давно выношенному в общественной глубине. В центре этого властного возбуждения, поскольку оно отразилось в литературе, стал юноша исключительной нравственной силы, доходившей до аскетизма, для которого народ был не абстрактной романтической категорией, как это было у славянофилов, а родной средой, живой, богатой великими задатками, рвущейся к проявлению своих богатырских сил.

Это был Добролюбов, ученик Белинского и Чернышевского. Никто не схватил энергичнее его основного нерва времени. Никто так не презирал всем своим существом старый барский строй, как раз в те же годы так выпукло символизированный в *Обломове*. Ему было ясно, что обломовщина – это: и косность русского обывательства, и политический режим Николаевской эпохи, и отвлечённый идеализм людей этой эпохи и байронизм предшествующей; он понял, что все эти явления нашей общественности и государственности опирались как на своё явное или скрытое основание на крепостное право, что только оно давало бытие и тому политическому строю, который сжимал общество, и тем формам общественной мысли, которые характернее всего оказались в равнодушном квиетизме её эстетов, крупных землевладельцев по своему экономическому положению, или в красивых речах и игрушечных делах её бобылей – Гамлетов и Дон-Кихотов. От этой дворянской болтовни, от этих игрушечных дел – он звал к действительному и подлинному делу.

В эти-то годы слагался нравственный облик и мировоззрение Стоюнина. Это его поколение, его сверстники, это их общие впечатления. Воспоминание о последних года Николаевской реакции, последняя её ставка и унизительный для народного сознания проигрыш, ещё более унизительное сознание причин этого проигрыша, выступление новых людей, их нравственная требовательность, их национально-общественный идеализм, любовь к народу, отвращение от всякой внеземленной мечтательности, стремление, в противоположность этому, к правде жизненной, как силе, единственно цивилизующей. Это были годы, когда могло появиться то единственное по своему гениальному простодушию и какой-то первобытной силе произведение, которое стоит как-то особо в нашей истории – «Вопросы жизни» Пирогова. Только в эту эпоху могла быть написана эта статья. Идея человека, человечности, человеческого достоинства – проникает всю её как дуновение святыни. И смыслом этого человеческого достоинства полагались те *вопросы жизни*, которыми легкомысленно пренебрегают в обыденной

жизни, но которые и делают человека человеком. Ответить на эти вопросы, значит воспитать человека. Вот задача школы.

Педагогический вопрос, поднятый Пироговым, глубоко соответствовал направлению времени. Потому что справедливо будет выразиться, что существо того общественного возбуждения, о котором идёт речь, было в широком смысле педагогическим, цивилизующим. Если верно утверждение, что у нас никогда не было школы в собственном смысле, то верно с другой стороны и то, что у нас место школы заняла литература художественная, критическая, публицистическая. Это началось именно в 40-х годах, когда величайшим воспитателем русского общества, воспитавшим как раз деятелей эпохи реформ, стал Белинский.

Стоюнин был всем своим развитием, как и другие его сверстники, всецело обязан Белинскому, и вступив вместе с остальными его учениками, людьми 50-х годов, в новую эпоху, весь проникся ненавистью к старому порядку, обнажённому под Севастополем, и трепетом новой жизни, который вскоре так нервно и талантливо отразил Добролюбов.

II

Если бы мы захотели определить одним именем характер идей Стоюнина, я бы сказал – это был педагог-общественник, и в этом он является человеком своего времени, человеком 60-х годов, теснейшим образом связанным с её принципами свободы, которые остались для него вечными заветами, заветами для всякого дела его жизни. Поэтому можно выразиться, что заветы Владимира Яковлевича гимназии М.Н. Стоюниной – это заветы 60-х годов, их незабвенные в существе своём социальные идеи.

Пробуждённое общество требовало школы, отвечающей *его* потребностям, а не государственным, школы, где идеи Белинского и Добролюбова нашли бы своё воплощение, где общество настоящего и будущего связывалось бы их идеалами.

Поэтому идея общественной школы, школы, как продукта общественного организма, не неподвижной, а развивающейся вместе со своим целым и по мере его развития, пока живёт организм, идея воспитания человека-гражданина, члена своего общества – вот исходная точка рассуждений Стоюнина.

Дореформационная школа была продуктом нашей государственности. Этим обусловливались её содержание и цели. Она готовила не людей, не граждан, а слуг государства. Но исключительно государственное начало уступило своё место в новой эпохе началу общественному, которое не упраздняет первое, а становится рядом с ним и подчиняет его себе.

«Что за причина, – спрашивал Стоюнин уже позднее, в 80-х годах – что мы недовольны нашей школой? и отвечает, - она, как и все силы народа, направлялась только одними государственными требованиями. Государство создавало школу только из своих нужд. Она делала из человека покорного слугу государства, и отвлекала *от остальной массы народа*. Какие же плоды

дала наша исключительно государственная школа?» И как человек, созданный в своём мировоззрении переломом русской жизни в 50-х годах, отвечает ссылкой на Крымскую войну: «Тогда именно резко высказались плоды нашей школы, когда пришлось русским образованным людям, заявить себя начистоту и сдавать перед Европой строгий экзамен... И на этом-то кровавом экзамене пришлось убедиться всем, что *наша школа не давала того, что именно было нужно государству и народу*». За свои неудачи и поражения мы обязаны той давней фальши, которая была положена в основание школы, той полицейской педагогии, тому неправильному отношению государства к воспитанию и вообще к народному просвещению. «Урок был дан понятный и чувствительный» продолжает он далее. «Все, по-видимому, сознавали громадную государственную ошибку. Все сразу убедились, до какого плачевного результата должна довести исключительная опека государства надо всеми народными силами. Разочарование было страшное... Государство увидело себя обманутым теми самыми, которые воспитались в его школах, в том духе, какой оно считало самым твёрдым и надёжным... Пришлось сознаться, что исключительная *государственность в народной жизни, подавляющая общественный дух, ещё не составляет силы*. Нужно было жизни дать *другие основы*; нужно было вызвать к жизни *общественные силы*, дать возможность сложиться какому-нибудь самостоятельному обществу». И Стоюнин указывает на внутреннюю связь своего идеала школы с эпохой 60-х годов: «Начинаются благотворительные преобразования. Признаётся земство, как законная народная сила; в основание общеноародной жизни полагается *свободный труд, общественное самоуправление и наука*». Эти основы, из которых должно развиться новое русское общество, находятся, по мнению Стоюнина, в такой связи между собой, что, подавив одну из них, вы непременно сделаете все другие бессильными для правильного развития общественного организма. «К сожалению, однако – свидетельствует он как современник – общество в своей массе оказалось не приготовлено для новой деятельности. Большинство стало вносить своё чиновничество и в новую общественную и земскую жизнь и мертвить свои формализмом всё, к чему ни прикасалось. – В чём же причина этого гибельного явления и как устраниТЬ её? Причина та, что мы воспитались в старой школе – государственной. Чтобы устраниТЬ эту причину – надо создать новую школу, общественную. Вот прямой и несомнительный ответ педагога – гражданина, ученика Белинского, пережившего весь ужас Крымской обиды. Русское общество для своего развития, для отстаивания земского и народного дела, нуждается в школе общественной, построенной из тех начал, которые положены в основание великих преобразований. Она должна вырасти из корней нашей общественности.

Как же этого достигнуть?

Прежде всего, её нужно поставить в связь с семьёй. Семья первая и естественная воспитательница человека. Школа продолжает работу, начатую ею. Связывая себя с семьёй, школа тем самым уже связывает себя отчасти и с обществом. Но в такой постановке вопрос мог бы решаться только в том

случае, если бы русские семьи стояли высоко в смысле общественного развития. Тесно соединяя себя с семьёй, школа не должна быть вообще, а в русском обществе тем более, прислужницей семьи. Она служит не обществу данного времени только, но и обществу будущего, целой нации.

Таким образом, связывая себя с семьёй, школа не становится ещё в полном смысле общественной. Она осуществляет эту задачу вполне тогда, когда она на тех идеалах, которые выработаны эпохой, воспитывает человека гражданина, человека грядущего общества.

Для этого она нуждается в педагогических силах, стоящих высоко в общественном и нравственном смысле, не говоря уже о научной эрудиции. Для появления таких сил – нужно, чтобы самая среда, в которой стоит школа, способствовала их появлению и их беспрепятственному развитию, т.е., чтобы состояние общества было таково, чтобы школа была его органической частью, а не чем-то изолированном. Правда Стоюнин верил, что каждый человек способен к личному самоусовершенствованию, что педагог обязан нравственно перевоспитать себя, прежде, чем воспитывать юношество, и справедливо полагал, что создание школы должно идти, прежде всего, из этой внутренней работы педагога над самим собой, но в то же время он хорошо понимал, что, как бы высоко ни стоял в нравственном смысле человек, он должен иметь героические силы, чтобы развивать свою деятельность в среде, прямо несоответствующей выстраданной им святой святых, что на героев рассчитывать не приходится, что, наконец, будет при таком несоответствии идеи и среды, безвыходное, что для приобретённого им развития не окажется, как это было ещё недавно, места в окружающей жизни.

И потому, настаивая на непременной связи школы с семьёй, без чего самое существование школы лишается своего основного смысла, призывая педагога к нравственному самоусовершенствованию, он говорит о необходимости энергичного прогресса общества, независимо от школы, потому, что этим обусловлен подъём семьи, потому, что этим обусловлено развитие самой школы. В таком тесном взаимоотношении и взаимодействии находятся, по его мысли, *общество, семья и школа*.

Если школа хочет стать школой жизни, школой общественной, это значит – она хочет воспитывать граждан. На чём же воспитывать? Не придавая особенно существенного значения тому, что должно служить предметом образования, ибо всякая дисциплина образовательна и с тем вместе воспитательна, Стоюнин думал, что воспитывать граждан способна, по преимуществу, – школа гуманитарная, так как гуманитарные знания способнее, чем какие-либо другие, развивать в человеке сочувствие к интересам человеческим и гражданским. «Основательное изучение языков, словесности и истории должно быть главным, первостепенным при гимназическом воспитании». – В этой идее школы, по преимуществу, гуманитарной следует признать одну из самых самостоятельных идей, высказанных Стоюниным, идею, в которой он расходится с крайностями своей эпохи, особенно, если прибавить к этому, что в гуманитарном образовании он хотел выдвинуть элемент эстетический. 60-ые годы по общему смыслу своей

идеологии несомненно шли к школе, так называемой, реальной, т.е. естественно-научной. В этом направлении развивалась мысль эпохи от Герцена – через Чернышевского – к Писареву. Если Герцен и Белинский боролись против романтического идеализма, оторванного от действительности, и звали с идейных вершин к делу, то уже в их мировоззрении заключались элементы той утилитарно-общественной морали, которую Писарев вслед за Чернышевским ставил на материалистическую почву. Тот протест против внежизненной идеи во имя дела, который начался ещё у их учителей в 40-ых годах – они довели до отрицания всего, что не имеет прямо утилитарного значения. С этой точки зрения – область эстетического или приравнивалась к сверхчувственному или относилась к внежизненному. В том и другом случае она объявлялась несостоятельной. – В этом-то течении Стоюнин, будучи по своему возрасту и развитию старше младшего поколения 60-ых годов, шедшего во главе с Писаревым, и выработав к этому времени с той твёрдостью и трезвостью, которые его всегда отличали, убеждения жизни, остался при идеалах Белинского и не слился с крайностями освободительной мысли. Такое положение и дало ему возможность вынести в своём независимом сознании идею школы, воспитывающей идеалиста-гражданина на почве значений гуманитарных. Необходимость же эстетического элемента подсказывалась теми коренными педагогическими, а стало быть, безусловными в смысле абсолютной истины, соображениями, которые требуют целостного гармонического развития всех сил, взаимно дополняющих и проникающих друг друга.

Отмечу, однако, что под гуманитарным образованием Стоюнин отнюдь не разумел школа классической.

Всё более идеализируемая правительственной властью, она для него, как для педагога-общественника представлялась далёкой и чуждой существу той гражданской деятельности, к которой должна готовить юношу школа, если она хочет быть школой жизни.

Чрезвычайно характерным для определения личности Стоюнина является при этом и то, что, исходя из требования подготовки к гражданской деятельности, он и самому гуманитарному образованию не считал возможным ставить задачу – развивать в молодом сознании *определенное* общественное мировоззрение: школа может и должна только сообщить *направление* в сторону его и пробудить потребность в деятельности, однако в своей конкретности идеалы должны сложиться уже по вступлении юноши в жизнь, в направлении, заложенном в школе, из личного живого опыта, значит из элементов самой действительности. Век Гамлетов и Дон-Кихотов был кончен. Стоюнин, отдавая должное высокому подъёму отвлечённого идеализма предшествующей дворянской культуры, звал русское общество в его целом, вместе с своими сверстниками, к делу, к живой общественности деятельности, открывшейся для России в эпоху реформ. Как и Добролюбов, он носил в своей груди демократическое сердце, он был крестьянин по происхождению.

Из указанных основных положений, развитых им в статьях, писанных в 60-х и позднее – в 80-ых годах, Стоюнин построил свой курс о преподавании русской литературы в книге, изданной под этим заглавием ещё задолго перед тем, в самом начале своей учительской деятельности, в момент общественного перелома – в 1855 г. Эта классическая книга, в своей педагогической части неувядшая, свежая, как в годы своего возникновения – полвека тому назад, не была, к несчастью переведена ни на один из иностранных языков, между тем как для иностранцев она была бы в высокой степени поучительна, как поучительной оказалась для них вся наша новая литература по своему отличительному нравственно-общественному характеру.

Книга о преподавании русской литературы представляет собой нечто национальное, в том смысле, в каком понимал эту категорию и сам Стоюнин, в том именно, в каком национальна вся наша литература, начиная с 40-ых годов, поскольку она общественна.

Этот национально-общественный характер её обуславливается, прежде всего, тесной связью с эпохой, когда выступил молодой писатель-педагог (первоначально мечтавший стать именно писателем). На первых же вступительных страницах книги автор высказывает ту мысль, что каждый преподаватель должен найти в своём учебном предмете три живые силы 1) он должен сообщить своим ученикам *истинные познания*, касающиеся природы и человека 2) *развивать* их и 3) приучать к труду. Иначе говоря, школа должна быть не только школой знаний, но и школой развития, а также – присоединяет автор – школой труда. Остановись он на второй задаче, т. е. на развитии, и мы имели бы ту школу, из которой выходили люди 40-ых годов. Разве Рудин и Обломов не были развиты? Этот вопрос слышится за всем, что говорил Стоюнин. Это для него повторный вопрос.

Правда, уже поставленное им на первый план требование истинных знаний, касающихся *природы и человека*, переносит задачу развития на конкретную почву. Тем не менее и в такой постановке своего дела, школа давала бы теоретиков-созерцателей, но не деятелей. Стоюнин с особой силой настаивает и на третьем факторе – *труде*, и таким требованием ставит идею воспитания не просто людей, а людей-граждан, на твёрдую педагогическую почву и сливается в этом отношении с голосами всех людей эпохи реформ. Если дореформенная Россия была сознана как Россия лени и неподвижности, русский человек – как Обломов, то со стороны педагога, носящего в себе задачи времени, не могло раздаться иного слова, как требования школы не только знаний и развития, но и труда. Таким образом, это не отвлечённая педагогическая теорема о самодеятельности учащихся, а чуткий ответ общественного воспитателя на вопрос жизни, на вопрос современности... И как на удивительно, этот ответ на старый вопрос звучит для России и в наши дни неисполненным призывом её учителей.

В выделенном мною только что принципе – связь Стоюнинской книги с эпохой. Другие два, развиваемые в ней, – и обуславливают собственно её национальный характер. Начав речь об эстетическом развитии на

художественных литературных произведениях, автор знаменательно замечает: «Впрочем, указывая на изящные произведения, мы никак *не хотим ограничиться одной эстетикой*, чтобы носиться в заоблачном мире безусловно и вечно прекрасного, и восхищаться одними возвышенными идеалами. Нет, здесь мы имеем в виду ещё другие условия» - и разъясняет, в чём собственно заключается педагогическая ценность изучения литературы для школы, готовящей граждан. «*Каждое истинно-эстетическое произведение отражает в себе жизнь, действительность, с которой связывается много нравственных, общественных и других вопросов. Разбирая такое произведение, мы необходимо должны подробно обсудить его содержание, без чего невозможна даже и одна эстетическая оценка; следственно должны иметь дело с разнообразными вопросами жизни»...*»...

Чего бы ни коснулось внимание, в произведении «всё будет наводить на нас вопросы близкие и интересные каждому, вопросы житейские; а с ними вместе *будут разъясняться и самые понятия нравственные, семейные, общественные*»...

Вот, что значило изучение литературы по идеи Стоюнина. Это значило – поднимать вопросы жизни и разрабатывать на высоких художественных образах, под повышенным настроением, веющих от них, *вопросы жизни*. Это выражение общее у Стоюнина с Пироговым, громко произнёсшим его в те же дни... И чем, как не постановкой тех же вопросов жизни стала под рукой Белинского и Добролюбова наша критика, под рукой Толстого и Достоевского наша художественная литература?

То дело, которое они делали в литературе, Стоюнин вносил в школу, прививая к ней, таким образом, основной характер нашей литературы, единственной нашей национальной гордости.

Задаче преподавания литературы в такой жизненной постановке он дал методическую разработку в своей прекрасной книге, развив её до частной, но одной из самых плодотворных педагогических идей, существующей лёгкь в основание всякой гуманитарной школы – идеи о преподавании литературы в органической связи с историей. Тогда, в самом деле, история литературы, становясь историей вопросов жизни, будет пробуждать ощущение коренной связи этих вопросов с целым историческим процессом. Всякий вопрос современности явится выводом долгого исторического процесса, так что каждый, кто его переживает в настоящую минуту, сознаёт себя слитым с прошедшим. Оно станет в его сознании его собственной историей, говорящей в нём теми вопросами жизни, которые он сам переживает, а в выработанных ответах на них зовущей к продолжению исторической работы, к общественной деятельности...

Таков внутренний смысл метода Стоюнина.

Я назвал его идеи национальными потому, что вижу в них педагогическое обоснование нашей общественной веры, с минуты её пробуждения после Крымской войны до наших дней. В этом общественном национализме значение педагогического мировоззрения и всей его деятельности. Так связан он с лучшими сторонами той исторической эпохи, в

которую он выступил. Он вынес из неё самые гуманизирующие и прогрессивные заветы. Они-то и обусловливали его всего, весь его нравственный облик. Он до того проникся ими, до того жил ими, - потому, что они отвечали всему его существу, - что они и стали его личностью. Он и они – это было одно. Говорить о Стоюнине, это значит говорить об идеалах эпохи реформ, как они выразились в одном из искреннейших и чистейших представителей её, и стали делом его жизни. Во имя их он много и подолгу страдал, однажды просто выброшенный за борт, как лишний человек. Лишний человек, всю жизнь рвавшийся к работе, работник по призванию. – Но глубокая вера в правду своих убеждений всегда была с ним. Он не уступил ни разу ни одной силе, враждебной этим убеждениям, как бы грозна ни была эта сила. Он был цельный человек. И благодаря этой цельности, до некоторой даже строгости и суворости, от него, как передают его близкие и ученики, и веяло таким нравственным обаянием. В нём чувствовалась всегда нравственная гражданская сила... Таким он был, говорят, на каждом своём уроке, в каждом своём слове, таким он стоит перед нами в каждой написанной им строке, таким он остался до конца... Вечная же и светлая память педагогу-гражданину, учителю жизни.

Вл. Гиппиус.